

*...Фея Моргана замуж не вышла
и жила в обители, и там обучилась
она столь многому, что стала великой
владычицей магии.*

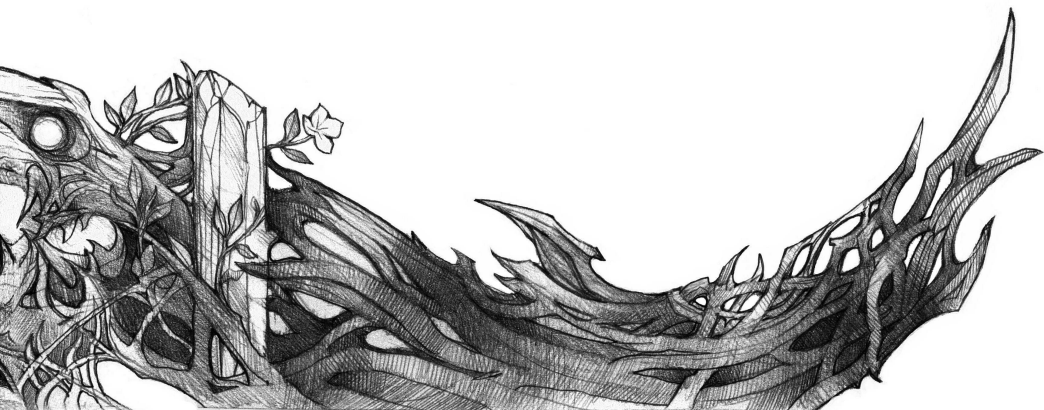
Т. Мэлори. «Смерть Артура»

КОРОЛЬ- ОЛЕНЬ

КНИГА III

ГЛАВА 1

В это время года в Лотиане могло показаться, будто солнце вовсе не уходит на покой: королева Моргауза проснулась, когда через шторы начал пробиваться свет, но стоял столь ранний час, что даже криков чаек еще не было слышно. Но при этом уже достаточно рассвело, чтобы разглядеть волосатого, хорошо сложенного молодого мужчину, спавшего рядом с королевой, — он получил эту привилегию еще зимой. Он был одним из рыцарей Лота и еще до кончины короля пожирал королеву жадным взором. И несправедливо было бы требовать от нее, чтобы в смертоносной тьме прошедшей зимы она еще и спала в холодной королевской опочивальне в одиночестве.

«*Не то чтобы Лот был таким уж хорошим королем*», — подумала Моргауза, шурясь от света разгорающегося утра. Но царствование Лота Оркнейского было долгим — он правил еще до того, как Утер Пендрагон взомел на престол, —

и народ привык к нему; и уже выросло не одно поколение, не знавшее иного короля. Моргаузе подумалось, что, когда родился молодой Лохланн, Лот уже сидел на троне... да и она тоже, если уж на то пошло. Но последняя мысль была неприятной, и королева поспешила выбросить ее из головы.

От отца должен был наследовать Гавейн, но Гавейн после коронации Артура почти не бывал в родных краях, и народ не знал его. Здесь, в Лотиане, Племена были вполне довольны жизнью под рукою королевы, ведь в стране царил мир; а на тот случай, если бы ей понадобился военный вождь, рядом с нею был сын ее Агравейн. С незапамятных времен этим народом правили королевы, так же как Богиня правила богами, и люди были тем довольны.

Но Гавейн продолжал оставаться рядом с Артуром... даже тогда, когда в канун Белтайна на север приплыл Ланселет — якобы присмотреть за постройкой маяков вдоль побережья, чтобы корабли не разбивались о скалы. Но Моргауза подозревала иное. Он приплыл сюда, чтобы Артур мог знать, что творится в Лотиане и нет ли и здесь таких, кому не по вкусу власть Верховного короля.

Потом она услышала о смерти Игрейны — это известие лишь теперь добралось до Лотиана. В молодости они с Игрейной не были дружны; Моргауза всегда завидовала красоте старшей сестры и не могла простить Игрейне, что именно ее Вивиана выбрала для Утера Пендрагона. Она была бы куда лучшей Верховной королевой, чем эта простофиля, такая уступчивая, набожная и кроткая! Но потом, когда уже все было сказано и сделано, оказалось, что при погашенной лампе все мужчины похожи друг на друга и всеми до смешного легко управлять — настолько они зависят от того, что может предложить им женщина. Моргауза успешно правила, стоя за троном Лота. Она бы ничуть не хуже управлялась

и с Утером — уж ей-то хватило бы ума не связываться со священниками!

И все же, услышав о смерти Игрейны, Моргауза искренне оплакивала ее и пожалела, что так и не выбрала времени съездить в Тинтагель. У нее осталось так мало подруг...

Ее придворных дам подбирал по большей части сам Лот, смотревший лишь на их красоту и уступчивость. Он заботился, чтобы эти женщины не думали чересчур много и не вели чересчур разумных бесед. Как он сказал однажды, на то ему довольно и Моргаузы. Лот советовался с ней во всех делах и почитал ее мудрость, но после того, как она родила ему четырех царственных сыновей, он вернулся в постельных привычках к тому, что предпочитал всегда, — к женщинам хорошеньким и пустоголовым. Моргауза никогда не мешала королю развлекаться: она была только рада избавиться от необходимости и дальше вынашивать детей. Если ей вдруг и захочется еще потешиться с малышами, на то у нее есть воспитанник, Гвидион. А кроме того, женщины Лота то и дело рожали, так что у Гвидиона имелось достаточно товарищей для игр, в чьих жилах текла королевская кровь!

Лежавший рядом с королевой Лохланн пошевелился, что-то пробормотал и сонно привлек ее в свои объятия, и на мгновение Моргауза оторвалась от своих размышлений. Она скучала по нему — на то время, пока Ланселет находился при дворе, она отослала Лохланна к прочим молодым придворным. Хотя, похоже, она вполне могла оставить Лохланна в своей постели или спать с дворовым псом — Ланселету не было никакой разницы! Ну что ж, он снова здесь; Лот никогда не мешал жене забавляться, как и она не мешала ему.

Но когда всплеск страсти утих и Лохланн сбегал вниз, ощутив некую неотложную нужду, Моргауза вдруг поняла,

что ей недостает Лота. Не то чтоб он был так уж хорош в постельных развлечениях — Лот был уже немолод, когда она вышла за него замуж, но после утех он мог поговорить с ней, как разумный человек, — и Моргауза обнаружила, что скучает по тем годам, когда они просыпались вместе, лежали в постели и говорили обо всем, что следует сделать, и о происшествиях в королевстве или в прочих землях Британии.

К тому времени, как Лохланн вернулся, солнце поднялось уже высоко, а воздух наполнился криками чаек. Снизу доносился негромкий шум, и откуда-то тянуло запахом свежеиспеченных лепешек. Моргауза привлекла молодого человека к себе, быстро поцеловала и произнесла:

— Тебе пора, милый. Я хочу, чтобы ты ушел до прихода Гвидиона — он уже большой и начинает подмечать подобные вещи.

Лохланн усмехнулся.

— Он подмечает все с тех самых пор, как его отняли от груди. Пока Ланселет был здесь, он следил за каждым его движением — даже в Белтайн. Но мне кажется, тебе не стоит беспокоиться — он еще недостаточно взрослый, чтобы думать о таких вещах.

— Я в этом не уверена, — отозвалась Моргауза и погладила Лохланна по щеке. Гвидион никогда ничего не делал, не убедившись предварительно, что его не высмеют за то, что он слишком мал. При всем своем редкостном самообладании мальчик терпеть не мог слов «ты для этого еще маленький». Четырех лет от роду он впал в ярость, когда ему сказали, что он еще мал лазать по птичьим гнездам, и едва не разбился насмерть, пытаясь угнаться за старшими мальчишками. Моргауза вспомнила этот случай и множество других, ему подобных, когда она приказывала мальчику никогда больше так не делать, а он поднимал смуглое

личико и говорил: «Все равно буду, и ты мне не помешаешь». Колотушки не помогали — мальчишка лишь начинал вести себя еще более вызывающе; и однажды, окончательно выйдя из себя, Моргауза ударила его с такой силой, что сама этого испугалась. Ни один из родных ее сыновей, даже упрямец Гарет, никогда не вел себя настолько дерзко. Гвидион же делал что хотел и поступал как ему вздумается, и потому, когда он подрос, Моргауза стала использовать более коварные методы. «Нет, ты не будешь этого делать, или я велю няньке снять с тебя штаны и выдрать тебя ремнем на глазах у слуг, как маленького». Некоторое время этот способ действовал — у маленького Гвидиона было чрезвычайно развитое чувство собственного достоинства. Но теперь он снова поступал как вздумается, и остановить его не было никакой возможности: чтобы вздуть Гвидиона так, как он того заслуживал, требовался крепкий мужчина. И, кроме того, мальчишка всегда, рано или поздно, находил способ заставить любого обидчика пожалеть о произошедшем.

Наверно, мальчик станет более уязвим, когда начнет интересоваться, что думают о нем девицы. Был он изящен, как потомок волшебного народа, и смугл, как Моргейна, но красив — так же красив, как Ланселет. И, возможно, его видимое безразличие к девицам будет иметь ту же природу, что и у Ланселета. Моргауза на миг задумалась об этом и вновь почувствовала себя униженной. Ланселет... Он был прекраснейшим мужчиной, какого только видела Моргауза за много лет, и она дала ему понять, что даже королева бывает доступна... Но Ланселет сделал вид, будто ничего не понял, и упорно именовал ее «тетушкой». По поведению Ланселета можно было подумать, будто она и вправду старуха, ровесница Вивианы — хотя она достаточно молода, чтобы приходиться ей дочерью!

Королева завтракала в постели и беседовала со своими дамами о том, что надлежит сделать сегодня. Пока она нежилась среди подушек — ей принесли свежесвеженные, еще горячие лепешки, а масло в это время года всегда имелось в изобилии, — в опочивальню вошел Гвидион.

— Доброе утро, матушка, — сказал он. — Я набрал для тебя ягод. А в кладовке есть сливки. Если хочешь, я сбегаю и принесу тебе.

Моргауза посмотрела на ягоды в деревянной чаше — душистые, еще не просохшие от росы.

— Ты очень заботлив, сын, — отозвалась она и, усевшись, обняла мальчика и привлекла к себе. Совсем недавно он в подобных случаях забирался к ней под бок, и она угощала его ягодами и горячими лепешками, а зимой кутала в свои меховые одеяла. Ей доставало этого ощущения — льющего к ней теплого детского тельца, — но Моргауза считала, что мальчик уже слишком взрослый для этого.

Гвидион отстранился сам и пригладил волосы — он терпеть не мог ходить растрепанным. В этом они были схожи с Моргаузой; она с самого детства отличалась аккуратностью.

— Ты встал в такую рань, милый, и отправился за ягодами, чтобы только порадовать свою старую матушку? — произнесла королева. — Нет, сливок мне не нужно. Ты ведь не хочешь, чтобы я стала толстой, как свинья, верно?

Гвидион склонил голову набок, словно присматриваясь к чему-то птичка, и задумчиво взглянул на Моргаузу.

— Это неважно, — сказал он. — Ты все равно будешь красивой, даже если растолстеешь. При дворе есть женщины — та же Мара, например. Она не толще тебя, но все вокруг зовут ее «толстой Марой». Но ты почему-то не кажешься такой большой, как на самом деле. Наверно, потому, что всякий, кто посмотрит на тебя, видит только,

какая ты красивая. Так что ешь сливки, если тебе хочется, матушка.

Сколько удивительно слышать такой точный ответ из уст ребенка! Да, мальчик растет и начинает превращаться в мужчину. Пожалуй, он будет подобен Агравейну и никогда не станет особенно высоким — сказывается кровь Древнего народа. И конечно же, рядом с великаном Гаретом он всегда будет казаться отроком, даже когда ему сравняется двадцать! Мальчик умылся и аккуратно причесался; видно было, что он недавно подстригся.

— Как ты замечательно выглядишь, милый, — сказала Моргауза, когда мальчик быстро и аккуратно взял ягоду из чаши. — Ты сам подровнял себе волосы?

— Нет, — отозвался Гвидион. — Я велел мажордому меня подстричь. Я сказал, что мне надоело ходить лохматым, как собака. Лот всегда был чисто выбрит и аккуратно подстрижен, и Ланселет тоже, пока жил здесь. Я хочу выглядеть как благородный человек.

— Ты так и выглядишь, радость моя, — сказала Моргауза, глядя на маленькую смуглую руку. Рука была покрыта царапинами и въевшейся грязью, как у всякого непоседливого мальчишки, но Моргауза заметила, что Гвидион явно старательно вымыл руки, вычистил грязь из-под ногтей и подрезал их. — Но почему ты сегодня надел праздничную тунику?

— Почему я надел праздничную тунику? — с невинным видом переспросил Гвидион. — Да, действительно. Ну... — Он на мгновение умолк. Моргауза знала, что, какова бы ни была причина, заставившая его так поступить, — а причина наверняка имелась, и, возможно, достаточно серьезная, — она об этом никогда не узнает. В конце концов мальчик спокойно пояснил: — Моя другая туника промокла от росы, пока я собирал для тебя ягоды, госпожа. — Затем он вдрут про-

